

*В потоке слов хватайся за одно:
Тащи его, как рыбу, на поверхность.
Раз выдал бог, то поросенок съест;
А ты его зажаришь, и на дно*

*Отправишь кости. Рыбы в тот же миг
Облепят их — и выползет на сушу
Чудовище, стозёвно, но бездушно;
Исторгнет с тинной первородный крик,*

*И ты узнаешь Слово, что искал,
Нашел, использовал и выбросил в корыто.
Чудовище озёрно, ненасытно —
Узри же, человек, его оскал!*

*Однажды и оно отыщет Бога,
Тебя не вспомнив, мелкого ворюгу,
Дар речи потерявшего с испугу
У речки на кисельных берегах.*

— Екатерина Годвер

Ольга Рекуц

Prueba de Vida —

Доказательство жизни

Часть I

09:30 утра, 13 мая 1118 года от Второго Пришествия. Суббота.

Манназ беспокойно мерит шагами узкое пространство между розовых стен коридора. Справа — сплошная перегородка, слева — узкое окно, в которое удобно просовывать руку. Вдоль стен — ряд стульев, где люди ждут очереди на анализ крови.

Живот крутит от предвкушения и от страха. Обхватывающий голову обруч, на котором закреплены очки виртуальной реальности и наушники, болезненно сдавливает череп. Рука сама собой тянется вверх, чтобы снять проклятый обод, но Манназ сдерживается. Не стоит привлекать лишнее внимание — он уже слишком близко к пункту забора крови.

На него и так смотрят.

— Номер триста пятьдесят пять, — раздается в наушниках металлический голос.

Высокий мужчина в черных с зеленым отливом доспехах, похожих на чешую, подходит к окну, поворачивается ко всем спиной. Стягивает с правой ладони перчатку и молниеносно сует руку в окно.

Манназ сглатывает вязкую слюну, стараясь незаметно рассмотреть происходящее, и разочарованно вздыхает. Чертовы очки задымляют любые места, где может быть видна неприкрытая кожа. Встроенная программа вежливого общения, будь она неладна.

Меньше чем через секунду мужчина вытягивает ладонь из окна, так же быстро надевает перчатку и быстрым шагом уходит прочь. Похожие на чешую доспехи переливаются, и Манназ размышляет, как выглядит этот мужчина на самом деле.

Откуда в его голове такие мысли?

— Номер триста пятьдесят шесть.

Миниатюрная девушка с лицом эльфийки подходит к окну.

Манназ моментально подбирается. У его талончика триста пятьдесят седьмой номер, а значит, эта девушка — его последний шанс. Иначе он больше никогда не наберется смелости. Это его последний шанс дотронуться до кожи другого человека.

Манназ отгоняет мысли о том, что сказала бы на это Мелисити. Наверное, покрутила бы пальцем у виска и обозвала идиотом.

Девушка поворачивается к очереди спиной. Поднимает перед собой руки.

Голова Манназа кружится от волнения, колени становятся ватными. Рот сушит. Он подходит ближе, стаскивает перчатку, делая вид, что готовится сдать анализ следующим. Закрывает глаза и пытается представить, что дотрагивается до кожи девушки. Какой она была бы на ощупь?

Девушка поднимает покрытую серебристой дымкой руку. Время замедляется.

Манназ задерживает дыхание.

Ее рука уже наполовину скрыта в окошке, когда Манназ, сделав в вид, что споткнулся, подается вперед и просовывает в окошко свою руку.

Их пальцы соприкасаются.

В голове словно взрывается фейерверк. Он тонет в ощущениях. Кожа девушки мягкая, слегка влажная от пота, прохладная. Манназ на секунду прикрывает глаза, стремясь запомнить ощущение от прикосновения к ладони другого человека. Внутри разливается тепло, несмотря на то, что рука холодная, и это так приятно и стыдно, что даже немного больно. Манназа словно выворачивает наизнанку, и кажется, что он вот уже понимает что-то важное, когда...

— Что вы себе позволяете! — истошный визг пронзает мозг. Прикосновение обрывается.

Девушка отталкивает Манназа. Когда тот открывает глаза, она уже стоит в паре шагов, баюкая руку у груди, словно получила ожог.

— Я... простите! Я просто споткнулся, — лепечет Манназ заученную фразу. Правую ладонь жжет огнем. Он с трудом фокусирует взгляд на лице девушки. — Я не хотел, чтобы так получилось!

Девушка зло и испуганно смотрит, словно ждет, что он вот-вот снова набросится на нее. Очередь неодобрительно гудит, а в конце коридора слышны торопливые шаги.

— Извините! — в панике кричит он.

Не чувствуя под собой ног, Манназ бросается прочь и останавливается, только когда добегают до конца больничного парка. Разноцветные лианы пляшут перед глазами паническими бликами, а крупные цветы сливаются в прыгающий узор.

Никто его не преследует.

По стволу дерева Манназ устало сползает прямо на траву. Обруч по-прежнему больно сдавливает виски. Хочется сдернуть его, но нельзя. Снять очки и наушники в публичном месте — еще хуже, чем то, что он сделал пару минут назад.

Он зарывается дрожащей рукой в давно не стриженные волосы и утыкается лбом в колени. Он сделал это. Святой Шетти [1], он действительно сделал это! Из горла вырывается сухое рыдание. Манназ поднимает голову и рассматривает правую ладонь, уже в перчатке.

Он. Дотронулся. До кожи. Другого. Человека!

Дыхание обрывается. Рука, кажется, до сих пор хранит ощущение кожи той девушки. Стыдное. Жаркое. Это настолько невероятно, и близко, и интимно, что Манназа трясет. Кажется, он никогда в жизни не делал ничего неприличнее, включая тот случай, когда напился и танцевал прямо на сцене клуба женский танец. В тот раз он был с ног до головы упакован в моушн-капчур [2], как и все люди каждый день жизни, чтобы очкам было проще корректировать окружающий мир, но сейчас...

Он впервые дотронулся голой кожей до другого человека без защитной пленки костюма, и это было... прекрасно. Волнующе.

Непристойно.

Манназ стонет, снова обхватывая голову руками. Это ужасно — то, что он сделал. Это не укладывается ни в какие рамки. Если узнают в универе или, не дай Шетти, на работе — его выгонят и оттуда, и оттуда. С белым билетом.

Хуже всего, что это больше не пугает.

Ощущение чужой кожи на своей — стыдное, горячее — буквально затапливает его. Кажется, не может быть ничего интимнее. Километры переписки, часы разговоров, смех над одними шутками — все это не идет ни в какое сравнение с тем, что он испытал за доли секунды, когда касался кончиков пальцев незнакомой девушки в поликлинике. Даже феерический секс с Мелисити, который Манназ всегда считал вершиной блаженства, не столь интимен и даже наполовину не так чувственен. Ведь Манназ никогда не притрагивался к жене вот так, напрямую.

Он до боли сжимает руками голову.

Prueba de vida, доказательство жизни, доисторический философский термин, который Манназ вычитал в старой книжке. То, благодаря чему чувствуешь себя живым. Не может быть, чтобы в случае Манназа это были прикосновения. Такого не может случиться с хорошим и порядочным человеком, слишком несправедливо. Такое может произойти с маргиналами, сумасшедшими, с отбросами общества — но только не с ним.

Хорошо бы это оказалось просто временным помутнением.

Хотя Мелисити наверняка сказала бы, что он переучился. Что слишком увлекся курсовым проектом по психологии доисторических людей. Что ему просто нужно поспать. Но Манназ давно закончил проект и уже много ночей высыпается — однако странная, болезненная одержимость не столько прикосновениями, сколько самой возможностью прикосновений не желала покидать воспаленный мозг.

А сейчас, когда он знает, каково это — прикоснуться к человеку напрямую, ему безумно хочется поделиться этим

с Мелисити. Интересно ли ей будет? Наверняка да. Поймет ли она восторг Манназа? Наверняка нет.

Мелисити к жизни доисторических людей относится как студенты-биологи к своим паукам: с брезгливой заинтересованностью. А прикосновения, поцелуи, объятия — все проявления архаичной привязанности, так свойственные их далеким предкам, воспринимает как забавные извращения. Манназ и сам был таким же когда-то.

Хотел бы он оставаться таким же.

Prueba de vida. Раньше для того, чтобы почувствовать себя живым, ему хватало разговоров с Мелисити. Она — самая смешливая, умная и целеустремленная девушка из всех, кого он знает. С того самого момента, как они впервые заговорили, единственное желание Манназа — стать к ней как можно ближе. Манназу до сих пор не верится, что Мелисити вышла за него замуж.

И если бы не то, что Манназ сегодня узнал о себе, о своих склонностях, он смело мог бы назвать себя самым счастливым парнем на земле.

Он смотрит на свою проклятую, благословенную, обоженную правую руку. Больше всего на свете сейчас ему хочется поделиться этим с Мелисити.

Он чертов конченный извращенец.

Он хочет дотронуться до собственной жены.

ЧАСТЬ II

11:30 утра, 13 мая 1118 года от Второго Пришествия. Суббота.

Дорогу домой Манназ не помнит. Он не с первого раза попадает ключом в замочную скважину и вваливается в квартиру, захлопнув дверь.

— Как прошел твой день, дорогой?

Мелисити белозубо улыбается ему. Сегодня на ней ярко-красное платье, а рыжие волосы собраны в высокую прическу.

Он любит блеском ее зеленых переливчатых глаз и тянется навстречу. Хватает ее ладонь, закрывает глаза и... не чув-

ствует ровным счетом ничего. Разочарованно вздыхает и наконец сдергивает с головы чертов обруч.

Вместо улыбчивой Мелисити перед его глазами предстает бежевая кукла-аватар классической модели. Рука Манназа все еще держит обтянутую силиконом ладонь, силясь вернуть то пугающе сильное чувство, которое возникло внутри сегодня утром, но — ничего.

Он морщится от безнадежной зелени [3] окружающих стен. — Отбой до востребования.

Робот разворачивается и, мягко покачивая бедрами в складках юбки, утыканной датчиками для захвата движения, направляется в угол, где замирает.

Манназ знает, что, если надеть очки, inferнальный робот в углу коридора превратится в украшенный резьбой платяной шкаф.

Но сегодня ему не хочется надевать очки.

***

Босыми ногами Манназ шлепает в ванную. Поворачивает кран, снимает перчатки и долго смотрит на свои ладони. Ему кажется, что прикосновение к той девушке оставило на них клеймо, из-за которого любой, кто только бросит взгляд на Манназа, узнает, что он — не такой, как все. Грязный, испорченный.

Извращенец.

Но ничего такого нет. Обычные ладони студента-антрополога, которые никогда не знали физической работы. Манназ с удивлением понимает, что разочарован: о событии, которое перевернуло всю его жизнь, не напоминает ровным счетом ничего.

Он так и не решается поднести руки к воде: не хочет смывать с ладоней произошедшее. Потому просто закрывает кран и решительно поднимает глаза. Манназ впервые смотрит на свое отражение, не откорректированное очками виртуальной реальности.

Это страшно.

Он приближает лицо к стеклу и внимательно себя разглядывает. Коричневые волосы. Белая кожа. Поры совершенно

отвратительные — в ретуши очков их не видно. Как и мерзких волосков, которые уже успели разукрасить подбородок после утреннего бритья.

Встроенная ретушь определенно льстила размеру его бicepsa.

И голубизне глаз.

От идеального человека, которого Манназ обычно видел в зеркале, в отражении — лишь убогий каркас.

Он рассматривает невнятные глаза мышинового цвета, унылые губы, торчащие волосы и не может поверить в то, что когда-то люди смотрели на себя и на других вот так, без фильтров, все время.

Неудивительно, что предки были не очень-то счастливы. Какое уж тут счастье, когда каждый день видишь такой ужас. Но они хотя бы могли друг друга касаться.

Манназ выключает свет и выходит из ванной.

***

Гостиная, как и все прочие комнаты в доме, тонет в зелени. Манназ садится на невысокую тахту, вертит в руках обруч с очками и наушниками. Надевает его — и мир снова обретает цвет и звуки. Стены окрашиваются бежевым, тахта превращается в стильный черный диван. За окном идет дождь с грозой — любимое аудиовизуальное сопровождение Манназа.

На языке становится кисло.

Он падает спиной на диван, машет рукой, и на противоположную стену проецируется рабочий стол ПК. Некоторое время Манназ автоматически листает каналы: музыкальные конкурсы, поедание лапши на время, развенчание популярных мифов — все как всегда.

Шоу, которые обычно помогали отвлечься, на этот раз даже не задевают сознание.

Манназ ловит себя на том, что водит правой рукой по обивке тахты, вспоминая утреннее прикосновение. Но тахта, конечно, совсем не похожа на руку человека, и Манназ, сняв перчатки,

трет ладони друг о друга, представляя, что касается кого-то. От того, что никаких больше прикосновений в его жизни не будет, хочется выть.

Ему нужно как-то отвлечься. Пришедшая в голову мысль кажется еще одним пунктом на дороге в один конец, на которую он ступил сегодня утром. Манназ воровато оглядывается, хотя точно знает, что один в квартире, не считая аватара Мелисити, но он сейчас выключен.

Дыхание тяжелеет, а кровь приливает к щекам. Преодолевая жгучий стыд, Манназ набирает в поисковике название фильма, и на экране возникает заставка: доисторические мужчина и женщина обнимают друг друга, а их губы — Манназ не может отвести взгляда от такого развратного зрелища — соприкасаются.

Когда-то давно, год назад, отрывок из этого фильма им показали на первой же лекции по антропологии. Девушки краснели, хихикали и отводили глаза, а парни тоже смущались, хотя изо всех сил старались не подавать вида. Преподаватель, седой профессор со смешной фамилией Шариков, смотрел на них снисходительно. Он-то эту сцену видел уже сотни раз и наверняка привык.

В том отрывке парень и девушка, главные герои фильма, гуляли, держась за руки, целовались, и только появление родителей парня удержало их от того, чтобы зайти еще дальше.

Профессор Шариков, Шарик, как звали его студенты, объяснил потом, что хотел продемонстрировать, как сильно эволюционировали человеческие отношения со времен Второго Пришествия. И сразу показать, что, если студенты хотят изучать антропологию — им придется выйти за пределы привычных горизонтов и постараться понять и принять то, чем жили их предки. Даже если сейчас подобное поведение кажется дикостью и немыслимым извращением.

Знал бы Манназ, чем для него обернутся такие попытки понять старинные традиции. В тот день он прятал горящие щеки, посмеивался вместе с одноклассниками, а сам впервые

задумался, каково это — коснуться другого человека? Не через перчатку или костюм, не через аватар, а коснуться голой кожи напрямую? Конечно, это девиация, однозначно, но что такого находили в прикосновениях предки, что были готовы трогать друг друга сутки напролет? Даже при встрече каждый раз здоровались за руку или обменивались поцелуями в щеки! Тогда, почти год назад, Манназ впервые потер ладони, пытаюсь представить, что касается кого-то. Но в перчатках он не почувствовал ничего необычного, а снимать их прилюдно не собирался.

С того дня и началось то, что Манназ про себя назвал падением в бездну: путь, который привел его сюда, на тахту, совершенно раздавленного незаконным прикосновением к девушке и собирающегося посмотреть фильм более развратный и непристойный, чем вся порнография нынешнего времени, вместе взятая.

Но из бездны выкарабкаться уже невозможно.

Решительно вздохнув, Манназ нажимает «Плей».

***

Фильм не оставляет от него камня на камне. Манназа словоно разобрали, а потом собрали заново — но уже в каком-то другом, неправильном порядке. Горло сдавливает спазмом. Манназ раз за разом переключает бегунок и пересматривает те моменты, где герои фильма держатся за руки, целуются или — он краснеет сильнее — лежат рядом. Почти обнаженными.

Любой другой человек на его месте не выдержал бы и половины творившегося на экране. Выключил бы фильм через десять минут после начала и порадовался, что родился в этом веке, а не тысячу лет назад.

Только Манназ — ненормальный. Иначе как объяснить, что его завораживает происходящее на экране, каким бы неэтичным, негигиеничным и травмирующим оно ни было.

Из курса по исторической антропологии он знает, что все, показанное в фильме, — правда. До изобретения очков виртуальной реальности, повсеместного распространения наушни-

ков и аватаров больше тысячи лет назад близкие отношения людей действительно выглядели вот так.

Сейчас в это невозможно поверить.

Шарик говорил, что начало переменам положило изобретение двух ученых Шрии Девадига и Бхакти Шетти. Именно они научились создавать цифровых двойников людей, загружая в нейросеть переписки, диалоги и прочую информацию, которую человек оставлял о себе в Интернете. А еще через несколько лет парочка американцев, чьи имена канули в Лету, сумела объединить цифровых двойников Шетти и Девадига и антропоморфных роботов.

С тех пор богачи перестали горевать по умершим родственникам, ведь можно было заплатить за создание электронного аватара, соединить с роботом получившееся цифровое сознание, надеть очки виртуальной реальности — и вуаля! Человек, который, казалось, ушел навсегда, снова рядом.

Вскоре аватары стали создавать и для живых людей, а к роботу можно было подключиться по сети или поставить на автопилот. Так началось то, что историки позже окрестили Вторым Пришествием, — повсеместное внедрение аватаров. Через несколько лет наблюдений ученые пришли к ошеломляющим выводам: любые близкие отношения становились лучше, если прокладкой, буфером между людьми становились роботы. Так что со временем у каждого человека появился свой аватар, а у некоторых — не один.

У Манназа, например, сейчас их два, как и у любого женатого человека: один находится в его личном пользовании, а второй всегда должен быть при Мелисити, чтобы удовлетворять ее потребности в общении и близости тогда, когда ей это нужно.

Конечно, Манназ может подключаться к любому своему аватару, может общаться с Мелисити вживую, но главной изюминкой использования роботов еще в древние времена стало то, что никто не знал, настоящий человек перед ним или его аватар. А также на автопилоте аватар или управляется владельцем в режиме реального времени.

Неудивительно, что прикосновения еще за много столетий до рождения Манназа стали моветоном, бесцеремонным вторжением в личное пространство, ведь только так можно распознать робота.

«Стоит ли упоминать, что секс по схеме „человек-аватар-человек“ или „человек-аватар“ быстро вытеснил секс „человек-человек“. И нечего смеяться, я к вам обращаюсь, галерка! — зазвучал в ушах Манназа скрипучий голос Шарика. — Вы — антропологи и должны внимательно относиться ко всем проявлениям человеческого! Мыслить широко, а не ржать на слове „секс“!»

Так Манназ, ставя на паузу аватар Мелисити, знал: как только жене понадобится общение с ним, аватар, неотличимый от него самого, будет к ее услугам. А Манназ сможет подключиться к нему, когда будет в настроении. Точно так же работает и аватар Мелисити, который сейчас замер в углу. Потому выходка Манназа и его нежелание общаться никак не отразятся на состоянии жены, ее настроении и самооценке, как и на их отношениях. Именно благодаря роботам Манназ счастлив в браке — счастлива и Мелисити.

Через несколько поколений после внедрения аватаров ученые забили в колокола еще раз. Выяснилось, что дети, выращенные с использованием технологии «ребенок-аватар-родитель», гораздо спокойнее и счастливее своих сверстников, которые выращены по схеме «родитель-ребенок».

Так польза аватаров была доказана окончательно.

Только полный дурак и извращенец может мечтать о том, чтобы варварские времена до Второго Пришествия вернулись.

И Манназ — именно такой дурак.

Он смотрит на то, как главные герои фильма гладят друг друга по лицу, неотрывно соприкасаясь взглядами. За полтора часа они словами, жестами, поступками причинили друг другу больше боли, чем Манназ причинял кому-то за всю жизнь. Вот к чему приводит близкое общение без возможности спрятать своих демонов в броне нейросети.

И все же, пока Манназ рассматривает лица мужчины и женщины на экране, чувствует снова жжение в ладони, ему в голову приходит мысль: ради того, чтобы обменяться с кем-то такими взглядами, стоит перенести еще больше боли, чем та, что показана в фильме.

Prueba de vida. Доказательство жизни и его персональное проклятье. Предки считали, что касания — это особый язык, необходимый людям, как животным. Хотел бы он жить в то время.

Он тянется к щеке изображенной на экране женщины, но ощущает пальцами только пустоту.

Обозвав себя дураком и рохлей, Манназ засыпает.

ЧАСТЬ III

15:15, 14 мая 1118 года от Второго Пришествия. Воскресенье.

Утром следующего дня у Манназа внутри что-то ломается окончательно.словно внутреннюю плотину прорывает, и все, что ему так долго удавалось усмирять в себе, все темные желания и извращенные склонности, вырываются наружу сплошным потоком.

Манназ не знает, как жить с этим дальше.

***

День проходит бессмысленно. У Манназа выходной, потому он может позволить себе просто бесцельно бродить по квартире — ярко-зеленой коробке, залитой лучами солнечного света.

Он не надевает больше обруч с очками и наушниками и не сразу замечает, что, наматывая круги по комнатам, трогает все подряд: гладкую стену с шершавыми стыками, силиконовую руку робота, бархат тахты. Свою собственную кожу, которая сильно, очень сильно отличается от материала костюма — и как он раньше не замечал?

Все вокруг кажется нереальным, просто декорациями для цифровых иллюзий его очков, фоном для аудиосопровождения

в наушниках. Манназа тоже не существует, словно он — иллюзия, проекция, которая никак не может поймать правильную основу и наложиться на что-то в этом мире. Наверное, его внутренняя реальность настолько отличается от внешней, что он просто не может найти здесь опору.

Хочется чего-то настоящего, чего-то, что однозначно докажет: он по-прежнему жив. Prueba de vida. Манназ трет друг о друга ладони, стараясь поймать нужное ощущение. Бесполезно.

А еще он скучает по Мелисити. Он не общался с ней, не обнимал ее — ее аватар, напоминает внутренний голос, только аватар, ты никогда не обнимал ее саму — уже больше суток. Рекордный срок.

Хочется ее голоса.

На панели быстрого набора Манназ выбирает «Мелисити». Неохотно натягивает обруч на голову — голая квартира с зелеными стенами моментально становится обставленной и уютной — и подключается к аватару.

Они с Мелисити, Мелисити с его аватаром, гуляют. Жена смеется, глядя ему в лицо, и ест мороженое. Вокруг розово-голубой пейзаж, на фоне которого особенно красиво смотрится белый пломбир. Волосы Мелисити рыжие, платье красное, а улыбка — белая, как и горох на платье.

Манназ любит жену и жалеет, что не может сейчас отключить фильтры. Так хочется взглянуть на нее просто, напрямую: ее волосы останутся рыжими? В улыбке все еще будет видна доброта и хитринка?

Манназ переключается на фронтальную камеру и смотрит на себя глазами Мелисити. Красавчик. Широкоплечий, мужественный, голубоглазый. Загадочный, как герой комикса.

Лишь отдаленное сходство с тем, что он видел вчера в зеркале.

Манназ чувствует себя опустошенным и, непонятно почему, отвергнутым. Странное чувство, которое уже переполняет его до краев, теперь вряд ли получится затолкать внутрь.

Остаток дня проходит мучительно долго.

Когда на улице темнеет, Манназ опять нажимает на дужке очков «Мелисити» и выбирает подфункцию «Связаться напрямую».

В горле пересыхает. Он ждет минуту, две, когда наконец в наушниках раздается удивленный голос:

— Манназ? Что-то случилось?

Он выдыхает. Мелисити ответила!

— Нет, ничего, — поспешно оправдывается он. — Ничего такого. — Он опускается на тахту и сцепляет руки в замок.

— Тогда почему ты звонишь мне по экстренной связи? — удивление сменяется раздражением.

Манназ упивается ее голосом, высоким, мягким, в котором, как всегда, звучат стальные и решительные нотки. Мелисити любит держать все под контролем и ненавидит что-то не понимать. У жены голос командира армии из прошлого. Она делает вид, что обижается на такое сравнение, но каждый раз довольно улыбается.

Как же он любит ее.

— Прости. Я просто хотел поговорить с тобой. Можно?

После нескольких секунд молчания, за которые Манназ успевает вытянуть несколько ниток из обивки тахты, Мелисити смеется:

— Ты опять читаешь что-то по истории и тебя потянуло на экзотику? Какой ты все-таки чудак! Давай. Как у тебя дела?

— Хорошо. У меня дела хорошо. — Он медлит. — Мелисити. Ты никогда не думала о том, как люди жили до этого всего? До Второго Пришествия?

— Эй, ботаник! Семестр уже месяц как закончился, дай передохнуть!

— Мел...

Она фыркает.

— Конечно думала, даже курсовую об этом писала.

Манназ заслушивается ее бархатным смехом. Как бы он звучал без искажения наушников?

Вполовину не так красиво?

Еще красивее?

Тем временем Мелисити продолжает:

— Плохо они жили: болезни, инфекции. Попробуй останови заразу, когда люди все время проводят друг с другом и даже здороваются за руку. Ну и сумасшедшие все были — откуда, ты думаешь, столько войн? Постоянно друг с другом контактировали. Где близость — там агрессия, где агрессия — там вред, — назидательно повторяет Мелисити любимую фразу Шарика. — В общем, жуткое времечко. Не хотела бы я так жить.

Манназ рассматривает гладкую бежевую стену сквозь очки, которые пришлось надеть для разговора с Мелисити. Ему крадется, или за ней стала видна зелень?

— Я думаю о том, что у них было принято трогать друг друга, — говорит он делано безразличным тоном. — Помнишь тот фильм?

Он буквально видит, как Мел передергивает.

— Помню, — по голосу слышно, что она морщится. — Гадость. Не хочу слишком много об этом думать, мне противно. Дотрагиваться напрямую — все равно что в кишках друг у друга сидеть. Мерзко.

В горле Манназа встает ком. Глаза жжет. На обивке тахты из-за вытянутых ниток уже появилась дырка — Манназ чувствует ее подушечками пальцев, но не видит из-за очков.

Мелисити, оседлав любимого конька, продолжает:

— Но у них была целая теория о том, что личное общение и особенно прикосновения полезны, помнишь, Шариков рассказывал? Кто-то из ученых — Жюли, кажется, или Пере, забыла — целые трактаты писал о том, что вред от отношений идет рука об руку с пользой, что близкие отношения, в которых люди друг друга не травмируют, невозможны. Ладно, тогда они были правы. Но сейчас это реально. Я обожаю наше время, серьезно!

— Правда?

— Да. Люди нестабильны, если их не пугают аватары. Вот взять хотя бы нас с тобой. Мы очень счастливы, и я люблю тебя. Но были бы мы так же счастливы, если бы нам пришлось видеть и ощущать друг друга ежедневно? Жить вместе, чувствовать, обонять, делить быт, растить детей вдвоем изо дня в день, годами, не имея возможности передохнуть? Постоянно, представлять, постоянно видеть друг друга без масок, сталкиваться локтями и коленями... Даже чтобы заняться сексом, приходилось бы ждать, пока захочется обоим — помнишь, Шарик нам анекдоты про это древние зачитывал...

Правую руку обжигает.

— Я хотел бы жить так.

Слова звучат как пушечный выстрел.

На том конце провода замолкают.

— Правда? — когда Мелисити наконец отвечает, в ее голосе звучит искреннее удивление. Как будто она наткнулась в учебнике на задачу, решение которой никак не могла понять.

— Да.

— Но почему?

Манназ делает глубокий вдох.

— Мне кажется, это было бы по-настоящему. Я недавно сделал глупость. Я... я дотронулся до кое-кого. До девушки.

Она потрясенно выдыхает.

— Девадига святой, Манназ! Как ты умудрился? Тебе ничего не сделали?

— Нет-нет, все обошлось, — его голос прерывается.

— Муж, учеба не доведет тебя до добра. — Мелисити снова замолкает и после долгой паузы осторожно интересуется: — Ты сделал это специально?

Манназ молчит, и Мелисити понимает все без слов.

В голосе вместе с осуждением, испугом и брезгливостью — интерес:

— И как?

— Я... — Манназ опускает голову. — Я правда думаю, что в этом что-то есть. Может быть, правы были наши предки,

а не мы? Может, стремясь избежать того вреда, который несет близость, мы потеряли и пользу? Я впервые почувствовал, что живу. Ее рука, она была мягкой, и я мог почувствовать пальцами влагу ее пота, и, мне кажется, даже пульс. Она немного царапнула меня ногтями, представляешь? Я был уязвимее, чем когда-либо в жизни, но это было очень правильно и по-настоящему, — Манназ утыкается лбом в колени и всхлипывает. — Не думай, что мне не стыдно, я никогда не прощу себя за то, что просто ради эксперимента поиздевался над той девушкой, но...

— Что «но»?

Манназ набирает в грудь побольше воздуха.

— Но я так хочу прикоснуться к тебе, Мел. Стать тебе хотя бы чуточку ближе. Ты даже не представляешь.

Она молчит, и Манназ чувствует, как по щекам ползут слезы. Мелисити, жена, лучший друг, робот-аватар и голос в наушниках. Вместе они делали домашки, смеялись, ели мороженое, гуляли и болтали обо всем на свете. Когда с ним была она, а когда — аватар, как узнать? Чем она отличается от своего «абсолютно идентичного робота»? Почему ему так важно понять это?

— Но ты можешь прикоснуться ко мне в любой момент.

Манназ качает головой.

— Нет, не к роботу. К тебе.

Мелисити кашляет.

Грудь Манназа словно стягивают тугие обручи. Ему до дрожи в пальцах стыдно и горько. Хуже только то, что на какое-то мгновение, всего на миг, когда Манназ услышал заинтересованное «И как?», он действительно поверил, что Мелисити может захотеть того же, чего и он.

Круглый дурак.

Извращенец.

Капризный ребенок.

Мелисити молчит.

— Прости, — выдавливают Манназ, и голос его звучит глухо. — Это было неприемлемо.

— Да, — после паузы отвечает Мел. — Так оно и было.

Она молчит еще минуту, а затем переключается на рассуждения о том, чего им стоит ждать в новом семестре. Автопилот?

— Подключить аватара, — бросает Манназ и стягивает с головы очки вместе с наушниками.

Вот и все.

Он только что разрушил собственный брак и вскоре разрушит свою жизнь. То, что бьет в нем через край сейчас, то, что он обнаружил в себе давно, но выпустил только вчера, не даст ему жить как прежде.

На душе пусто. Несмотря на то, что он совершенно не знает, как быть дальше, Манназ уверен, что все сделал правильно, что по-другому было нельзя, хотя во рту все еще горько, а по Мелисити он, наверное, будет скучать всю жизнь.

Где близость — там агрессия, где агрессия — там вред. Правильно, профессор? Я хороший ученик? Сегодня Манназ чувствует себя ближе к первобытным людям, чем кто бы то ни было в его веке. Открывшись Мелисити, в чем долго не мог признаться даже себе, он узнал, что такое близость, — впервые за всю жизнь. И это было больно — все, как вы и предсказывали, профессор. Вы были правы: где близость — там вред. Они идут рука об руку.

Внутри грудной клетки бушует океан боли, и Манназ думает, что это, наверное, единственная плата за то, чтобы чувствовать себя хоть немного живее, чем аватар, запертый в углу коридора.

***

Экстренный вызов ввинчивается в сознание противным писком. Манназ, успевший задремать, дрожащими руками цепляет на голову обруч.

— Да?

Только молчание и треск. Спустя минуту он уже не верит, что чего-то дождется.

— Мэни, — внезапно раздается хриплый голос Мелисити. — Я подумала, мы правда можем попробовать. Я подумала, мы же антропологи. Мы должны изучать старые традиции — даже такие ужасные.

